

Им можно по году плевать на погоду

КРУПНЫЙ ПЛАН

Завтра исполняется 100 лет со дня основания российского подводного флота. Накануне профессионального праздника в речном Ярославле довелось нам встретиться с моряком-подводником.

Сергей Любавин в свои 47 лет дважды хлебнул забортной соленой воды, но при этом неизменно оставался сухим. Есть такой обычай у подводников: если ты в первый раз погружаешься в пучину морскую, командир лодки торжественно, в присутствии всей команды поднесет тебе в электроплафоне ледяной воды с той глубины, на которой в данный момент находится подлодка.

Карьера морского офицера для Сергея была, собственно, predetermined, поскольку родители его работали на Ярославском судостроительном заводе, а отец был еще и начальником сдаточной базы в Таллине.

— Таким образом, мое детство, школьная жизнь были подчинены графику работы папы и мамы, — вспоминает Сергей. — К примеру, первое полугодие в четвертом и пятом классах я жил и учился в Ярославле, а второе — в Таллине. В этом городе и попал на настоящую подлодку, на нее меня провел вместе с другими мальчишками военпред.

Сергей был влюблен в море, мечтал стать моряком, но тогда, после визита на лодку, где с непривычки настучался лбом о бесчисленные железки в узких проходах и крохотных рубках, все же решил, что в подводники уж точно не пойдет.

Ярославскую школу № 23 он закончил в 1976 году и отправился в Калининград поступать в высшее военно-морское училище, где готовят специалистов для надводных кораблей. Поступил. А вот выпускаться пришлось уже из Ленинградского училища подводного плавания, куда курсантов из Калининграда перевели по ходу учебы, осо-

фото Анны СОЛОВЬЕВОЙ

бо не интересуясь их пристрастиями.

Будущий штурман-подводник преддипломную практику проходил на Северном флоте, где впервые и попил соленой водички с энной глубины. Лодка, на которой Сергей стажировался, вскоре должна была уходить к новому месту службы — в Балалаву. Привыкший к команде этой подлодки, стажер Любавин был прочь именно сюда распределиться уже офицером, но командир отсоветовал. И поехал Сергей в 1981 году покорять Ти-

хий океан. Попал в электронавигационную группу на К-134, которая входила в состав дивизии подлодок, базировавшейся в бухте Ольга, в районе поселка Ракушка. Юный лейтенант к тому времени был уже человеком женатым.

— Сразу после окончания училища я приехал в отпуск в Ярославль, где оперативно женился на своей бывшей однокласснице и студентке предпоследнего курса мединститута. Ирина осталась доучиваться, а я отправился служить.

— Место сразу нашлось?
— Вообще без всяких проблем. А объяснение этому до банальности простое. До меня на эту лодку с десятком таких, как я, лейтенантов пришли. Служить они начинали на Камчатке, а как только лодку перебазировали в Приморье, офицериков как ветром сдуло, их даже с помощью патрулей пришлось отлавливать.
— Чего же они так напугались?
— Козффициента 1,5 они напугались. На Камчатке ведь у моряков оклад двойной...

— Между получками, наверное, еще и в море на боевые дежурства ходили?
— Боевое дежурство экипажа подводной лодки с ядерным запасом на борту несколько отличается от, скажем, милицейского патрулирования городских улиц. В телесюжетах на эту тему бесконечные погони, визг тормозов, заламывание рук, выстрелы, перевернутые машины и прочее.
Боевое дежурство подводной лодки — совсем из другой оперы. Здесь как раз чем меньше

шума, тем лучше. Когда лодка выходит на задание, поблизости не должно быть ни подводных, ни надводных кораблей. Всплытие только в ночное время на перископную высоту для обязательного сеанса связи. Необходимо сообщить кому следует свои координаты, а затем вновь погружение и следование в заданный район. Задача Сергея Любавина как штурмана как раз и состояла в том, чтобы вести лодку строго по определенному курсу. Главная задача подводников — слушать море на глубине, при этом оставаясь незамеченными. Если лодка себя обнаружила, значит, она свою боевую задачу не выполнила. То есть в военное время ее попросту бы уничтожили те, кто обнаружил.

— Вообще, когда находишься на дежурстве на глубине 100 — 200 метров, то ощущения минутной опасности нет, — продолжает Сергей, — поскольку каждый делает свое дело. И все отлично понимают, что не только мы следим за кем-то, но и за нами следят. Как-то меня прикомандировали к экипажу подлодки, которая проходила ходовые испытания после капремонта. Идем себе, и вдруг на борт поступает сообщение: «В вашем районе американская подводная лодка «Лос-Анджелес». Это корабль многоцелевого назначения с большими, мягко говоря, возможностями и неясными на данный момент целями.

— Хотите сказать, вы «в рубашке родились»?

— Это сравнение скорее относится к другому случаю. Одна из подводных лодок нашего соединения вышла в море. Если бы не моряк, то позволю себе небольшую ликбез. Подводная лодка то, что находится за ее винтами, не слышит. Поэтому периодически совершается маневр — переворот на 180 градусов, чтобы прослушать свои кормовые курсы. И вот в момент такого маневра и произошло столкновение под водой. Как потом выяснилось — с китайской подводной лодкой, которая к себе на базу так и не вернулась. А наши находившиеся на лодке с ядерным боезапасом, и в самом деле «в рубашках родились»...

(Окончание на 3-й стр.)

Им можно по году плевать на погоду

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

– **Водичкой-то забортной во второй раз где вас угостили?**

– В Японском море. А когда курсантом был, пил из глубин Баренцева.

– **Подводную лодку можно назвать «родным домом» для моряка?**

– С некоторыми оговорками – вполне. Лично я с детства сладкоежка, но пребывание на лодке на этой моей привычке не отразилось. Приведу примерную раскладку офицерского завтрака: сливочное масло в неограниченном количестве, яйца, сыр, два вида варенья, обычно из розовых лепестков, сырокопченая колбаса, мед, сгущенка. В походе постоянно давали по 50 граммов сухого вина «для здоровья». При генсеке Горбачеве собирались было и на флоте ввести «сухой закон», но военно-морское начальство отстояло эту привилегию для тех, кто служит бок о бок с атомным реактором.

– **А «дедовщина»?**

– Когда лодка погружается на глубину 200 – 300 метров, через сальники в конструкции наружной арматуры начинает вода просачиваться. Про атомный реактор я уже говорил. От столкновений под водой тоже никто не застрахован. Ощущение общей потенциальной опасности сблизает людей. Согласитесь, глупо валтузить друг друга, из вредности заставляя драить галюн за... секунду до ядерного взрыва.

– **Кроме ядерного взрыва какие еще неприятности подстерегают подводников?**

– Далеко не всеми одинаково болезненно переносятся автономные плавания на два – восемь месяцев в атомной лодке. Если дизельная, скажем, должна всплывать ежедневно для подзарядки батарей, то атомная может находиться под водой столько времени, на сколько продуктов хватит. Впрочем, восьмимесячные походы обычно проходят с интервалами 60 – 65 дней.

– **После учебы жена к вам приехала?**

– Обязательно. Поначалу мы поселились в восьмиметровой комнате, позже получили однокомнатную квартиру.

– **Частые расставания с берегом, с близкими людьми сильно угнетают моряков?**

– Матросы срочной службы тяжелее все это переносят, что и понятно, ведь они случайно, можно сказать, стали моряками. А мы, офицеры, к «тяготам и лишениям» заранее готовимся в военных училищах.

бывал в Петропавловске-на-Камчатке, Магадане, заходили с грузами в австралийские, японские порты, на Филиппины, швартовались в Бангкоке, Сингапуре.

– **Чем торговали?**

– Чем придется. Запомнилось, как в Японию возили щепу, кору, которые в России счи-

каково же было мое разочарование, когда, возвратившись из командировки, я явился за получением разницы в оплате. Она составила что-то около... 20 рублей. То есть, поскольку я отсутствовал на боевом корабле более двух месяцев, была срезана 40-процентная надбавка за «особые условия», а вот

лавском судостроительном заводе. Знание и опыт военного специалиста пришлись как нельзя кстати. Ведь приходилось принимать у завода технику, придирчиво сверять изделия с чертежами, проверять надежность судов в ходе испытаний в море. А это значит – новые командировки, новые разлуки с семьей. Сейчас капитан второго ранга Сергей Любавин – молодой военный пенсионер. Выслуга – 29 лет, при «двадцати календарях», как он сказал, ведь служба на подлодке идет «год за два».

Летом 2001 года Любавин летал уже по коммерческим своим делам на Дальний Восток. Встретился с бывшим сослуживцем, который на тот момент «командовал» атомной подводной лодкой. Слово не зря взято в кавычки. Лодка не на ходу. Была законсервирована. Урезанный на две трети экипаж лодки поддерживал, как мог, жизнедеятельность подводного ракетноносца. Ведь нельзя допустить, чтобы он утонул. Неизвестно, как поведет себя атомный реактор, если станет бесхозным. Поговорил Сергей с моряками, те поделились, в каком плачевном состоянии находится нынче подводный флот.

– Сейчас одну лодку в пять лет делают, а раньше в Комсомольске-на-Амуре под воду спускали до трех субмарин в год. Условия службы моряков все хуже и хуже.

Сергей где-то вычитал, что командир атомной подлодки в Америке имеет оклад, сопоставимый с жалованьем президента США. Такова цена ответственности, возлагаемой на тех, кто держит палец на ядерной кнопке.

– В 1981 году, когда я еще был молодым лейтенантом, моей месячной зарплаты (такой как у офицера торгового флота) хватало на то, чтобы трижды слетать в Москву и обратно. Билет стоил 34 рубля. А сейчас командир российской атомной подлодки может позволить себе съездить в отпуск, навестить родителей раз в три-четыре года. Полет с семьей с Востока на Запад обходится примерно в 50 тыс. рублей. Так что приходится, как говорится, сушить весла...

Валерий ПРОХОРОВ

К сожалению, у Сергея не нашлось в личном архиве ни одной фотографии подлодки, на которой он служил. Субмарина на тот момент была последнего проекта, и позировать на фоне этого монстра стратегического назначения строго-настрога запрещалось. На снимке он в первом ряду второй слева.

– **Не припомните самую продолжительную свою командировку?**

– В 1988 году наша подлодка стала на ремонт. Мне предложили на год и два месяца уйти в командировку четвертым помощником капитана на торговый флот. Конечно, тяжело было расставаться с семьей, пополнившейся к тому времени двумя дочерьми – Верой и Женей. Больше года мотался по свету на торговых судах. По-

таются отходами. А у японцев все в дело идет.

– **Понравилось чужие страны изучать?**

– Безусловно, это вам не под водой ходить, постоянно небо над головой. На подлодке офицеры жили в кубрике по шесть человек, а на корабле у меня была отдельная каюта, мы пользовались бассейном, спортзалом. Правда, оклад здесь был чуть ли не в два раза меньше, чем на подводной лодке. Но

торговым морякам платят и северные, и тропические... Пусть не сочтут меня крохобором, но считаю несправедливым, когда за транспортировку ядерных боезапасов и древесной щепы платят одинаково...

* * *

Конечно, не только из-за материальных соображений оставил службу на Тихоокеанском флоте ярославец Сергей Любавин. Работал с 1990 по 1997 год военпредом на Ярославском заводе.